

Полянская Ирина Николаевна

(04.09.1926 - 31.01.2018)

Водопьянова-Полянская Ирина Николаевна родилась 4 сентября 1926 года в селе Ромашково Московской области.

БОЕВОЙ ПУТЬ

В 17 лет добровольцем ушла на фронт и воевала в составе 415-ой Мозырской Краснознамённой дивизии 61-й армии 1-го Белорусского фронта. Участвовала в форсировании Днепра, освобождении Украины, Белоруссии, Прибалтики, Польши, штурме Берлина.

Во время войны была в составе самодеятельной агитбригады и участвовала во встрече на Эльбе— эпизод Второй мировой войны, когда 25 апреля 1945 года недалеко от города Торгау на реке Эльба войска 1-го Украинского фронта армии СССР встретились с

войсками 1-й армии США. Ирина Николаевна была ведущей концерта для русско-американских войск. Накануне за ночь солдат-портной из двух гимнастёрок сшил для неё концертный костюм. Вышла Ирина Николаевна на сцену с переводчиком, а тут свист... Испугалась, а переводчик наклонился к ней и говорит: "Не дрейфь! Это они так симпатию выражают».

ВОСПОМИНАНИЯ.

...После окончания войны Ирина Николаевна вернулась в Москву, поступила в театральное училище им.Б.В.Щукина. Этот день запомнился ей навсегда - 23 июня 1945 года, она была принята на курс одного из ведущих педагогов училища, советской актрисы театра и кино, режиссёра Анны Алексеевны Орочко. В 1949 году Ирина Николаевна окончила Театральное училище. В 1957 она актриса московского гастрольного театра комедии (другое название - Московский драматический театр нефтяников, руководитель - М.Ф.Астангов.) Театральные работы: Марта - "Деревья умирают стоя", Диана - "Собака на сене".

Работала актрисой в Театре драмы и комедии, где сыграла около двадцати ведущих ролей. В 1960 году пришла на телевидение: сначала в студию детских передач, затем - научно-популярных программ, потом была режиссёром отдела военных передач Центрального телевидения. Работала в Главной редакции пропаганды, в т/о «Экран», Главной дирекции программ ЦТ.

«Там и работала до 1990 года, проживая интереснейшие встречи и с Левитаном, и с Каплером, и с маршалом Рокоссовским, и с поэтессой Юлией Друниной, с которой сложились дружеские отношения на долгие годы. А Рокоссовский, узнав, что она была солдатом его дивизии, подписал свою фотографию так: "Солдату Ирине Полянской от маршала Рокоссовского". Эта фотография висит в комнате Ирины Николаевны на почётном месте. Ирине Николаевне 88 лет, но выглядит она живой, энергичной. Слушать её биографию - огромное удовольствие», **вспоминает Васюкова Марина Денисовна** (<https://www.moypolk.ru/soldier/>)

Когда в Ромашково был открыт после забвения Никольский храм, она часто приезжала на богослужения в храм родного села.

Слово протоиерея Валентина Жохова, настоятеля Никольского Храма в с. Ромашково.

К воспоминаниям об Ирине Николаевне Полянской, солдате Великой Отечественной войны и прихожанке Никольского храма в селе Ромашково, хотел бы добавить то, что у Ирины Николаевны было два особенно святых дня в году – день Святой Пасхи и День Победы. Богослужения в храме святителя Николая в Ромашково возобновились в 1990 году. Ирина Николаевна неопустительно была на всех

службах до тех пор, пока не переехала от Белорусского вокзала на Люсиновскую улицу. Ее соседка, имя которой не удержалось в памяти, бывало говорила: «Опять в храм собралась? Ты Богу надоела!»

Ирина Николаевна очень чувствовала Промысл Божий в обстоятельствах своей жизни. В советские годы духовно внимательная и духовно одаренная Ирина Николаевна не всем открывала свою веру и церковность. Работу на телевидении она принимала как послушание, отдавая ей все свои знания и силы. Но на 2 недели в году – Страстную Седмицу и Светлую Седмицу – Ирина Николаевна брала отпуск или даже больничный лист (если не было других возможностей) и посвящала эти дни молитве.

День Победы, а он часто по времени соединяется со Святой Пасхой, был еще одной великой духовной радостью для Ирины Николаевны. Ежегодно ее приглашали в школы, университеты и на многочисленные встречи с молодежью, где она, имея дар слова, уже свободно могла говорить не только о своем солдатском труде, о комдивах и маршалах, но и о святом Лаврентии Черниговском, о материнском Благословении, которое сохранило ей жизнь на опасных стремнинах Великой Отечественной войны.

С умножением лет ослабевают физические силы человека. Православно верующим за труды дается особая благодать – Бог умножает духовные силы. В последние годы жизни Ирина Николаевна напоминала мне осанкой, речью, выдержкой выдающихся актрис драматического жанра – возможно, она смогла бы великолепно сыграть свояченицу Фамусова в «Горе от ума» Анфису Ниловну Хлестову – роль, которую в Малом театре великолепно исполняла Елена Гоголева, но Ирина Николаевна духовно уже была далека от театра. В предпоследнем 2017 году ее жизни наибольшим огорчением Ирины Николаевны были физические трудности и препятствия для встреч с людьми – благовестие Великой Победы стало ее вторым дыханием.

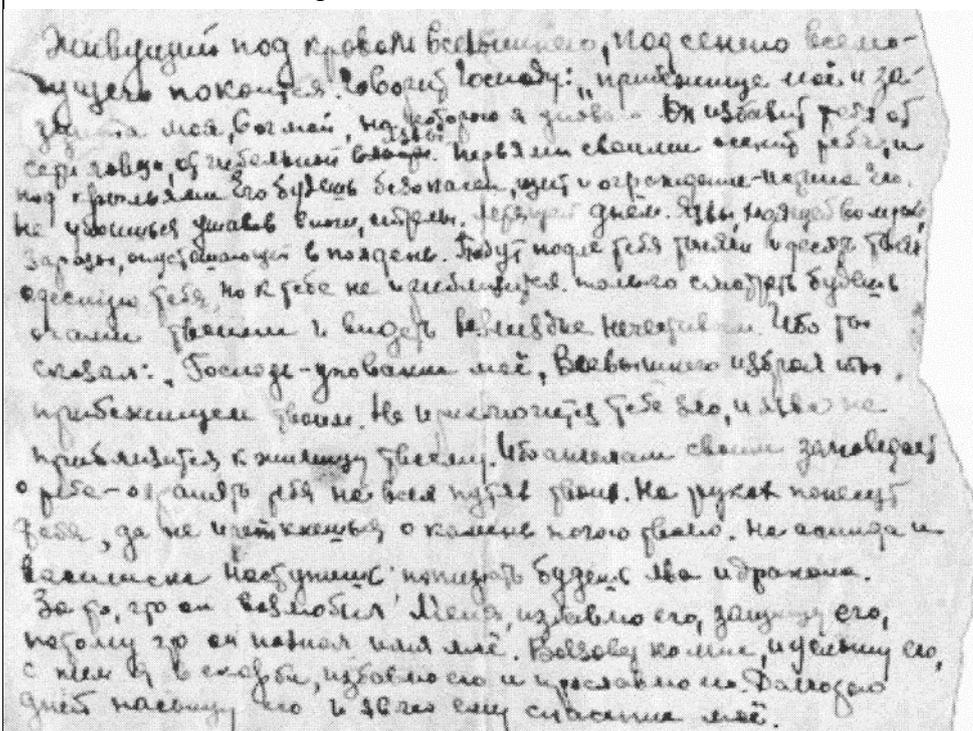
Ирина Николаевна была знакома со многими выдающимися священнослужителями, в частности, с митрополитом Питиримом (Нечаевым), стоявшим во главе Издательского отдела Русской Православной Церкви, местом служения которого был храм Воскресения Словущего в Брюсовом переулке, его прихожанкой она была в советские времена. На церковном кладбище в Ромашково есть погребение её родственников, но упокоилась Ирина Николаевна на Ваганьковском кладбище под осенением близостью храма (!) Воскресения Словущего. Такова была воля Божия о Ирине Николаевне Полянской. «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится...»!

Вечная память и вечный покой солдату, ветерану войны и труда, православно верующей и верной рабе Божией ИРИНЕ!

"Я люблю тебя, Армия, юность моя..."

Воспоминания Водопьяновой-Полянской Ирины Николаевны.

Я бесконечно благодарна моей маме - светлая ей память - за то, что она нашла в себе мужество отпустить

меня 16-летнюю девчонку, на фронт. Духовником моей мамы был Преподобный отец Лаврентий Черниговский. До войны я тоже несколько раз была у него. И потом долгие годы, до самого его прославления, приходя в храм Воскресения Словущего в Брюсовском переулке, я писала его имя первым в заупокойной записке. Когда мама рассказала ему о моем желании идти добровольцем на фронт, то услышала в ответ: "Пусть идет - вернется". Мама благословила меня маленькой иконочкой Иверской Царицы Небесной, а старшая сестра переписала 90-й псалом.

Эти дорогие моему сердцу реликвии я пронесла в левом кармашке гимнастерки всю войну. Они спасли мне жизнь. На войне мне не пришлось совершить ничего героического - просто честно выполняла свой гражданский долг, хотя было трудно, порой очень трудно, а иногда жутко...

Я пользовалась каждой представившейся мне возможностью, чтобы помолиться и читала 90-й псалом, засыпая в землянке, на ходу, прислонившись к лафету, в медсанбате во время операции.

Родилась я в подмосковном селе Ромашково 4 сентября 1926 г. в семье Марии Митрофановны и Григория Алексеевича Водопьяновых. После ареста папы, который был белым офицером, меня удочерили крестный отец Николай Николаевич Полянский и его жена Клавдия Митрофановна.

На фронт, в 415-ю стрелковую дивизию, которая вела тяжелые бои за удержание плацдарма на левом берегу Днепра, наше пополнение прибыло в начале октября 1943 г.

Худенькой нескладной недотрогой

Я пришла в окопные края,

И была застенчивой и строгой

Полковая молодость моя...

- так писала моя дорогая однополчанка поэтесса Юлия Друнина

Когда приехали, было уже совсем темно, ничего нельзя было рассмотреть, поняла только, что мы в лесу. Нас распределили по землянкам. В тусклом свете коптилки, сделанной из гильзы снаряда, я увидела женщину. Это была Женя Шистя - человек с очень доброй душой и тяжелой судьбой: последним эшелонам эвакуировалась она из родного Днепропетровска, где при бомбежке погибла ее маленькая дочь. А её муж, начальник связи нашей дивизии майор Шистя, был убит у нее на глазах прямым попаданием снаряда. Произошло это на реке Вазузе, где дивизия держала оборону. Несмотря на такое горе, Женя не ожесточилась, всегда была готова на привет и ласку. И меня она встретила в тот первый вечер очень радушно: засуетилась, стала угощать чаем из котелка.

Мы разговорились и всю ночь рассказывали друг другу о себе. Под утро сморил сон, но не успела сомкнуть глаза, как вскочила от страшного грохота разорвавшегося снаряда. К моему удивлению, Женя спокойно сквозь сон проговорила: "Ложись, это далеко", - и, повернувшись на другой бок, продолжала спать. А снаряды рвались и рвались, как казалось, совсем рядом с землянкой. Спать, конечно, не могла, при каждом взрыве вздрагивала, а с потолка на голову сыпались песок и земля. Позднее на фронте не раз приходилось попадать и под артобстрелы, и под бомбежку, и в другие передраги (чего только не бывает на войне), и всегда было страшно, но ту, первую свою ночь на фронте, я запомнила на всю жизнь. А с Женей мы были неразлучными до конца войны.

Меня зачислили на довольствие и выдали обмундирование. С гимнастеркой и юбкой как-то обошлось: нам с Женей удалось подогнать их. А вот с шинелью получился полный конфуз: пришлось закатывать рукава, а при ходьбе ноги путались в ее длинных полах. Через несколько дней все пополнение, прибывшее в дивизию, принимало присягу. Женя всячески утешала меня, дескать, будешь стоять где-то в конце, на левом фланге, начальство тебя не заметит. А получилось все не так.

Командир дивизии Павел Иванович Мощалков, обходя строй, все-таки заметил меня: "Это что за октябренок?" - возмутился он. Не знаю, какова была бы моя военная судьба, если бы не капитан Рыков, который неожиданно отрапортовал: "Товарищ полковник, это наша новая артистка, Ирина Полянская, очень талантливая - наша надежда". Полковник, видимо, был озадачен такой характеристикой и стал внимательно меня разглядывать. "Так что же вы, капитан, свою "надежду" обрядили как чучело?" - просил он, но уже другим тоном. Тогда я не знала, что этот суровый на вид, но в действительности добрый человек, которого в дивизии очень любили, сыграет важную роль в моей судьбе, но это произойдет уже в мае 1945-го. А пока до победной весны было еще так далеко...

В начале ноября 1-ый Белорусский фронт под командованием маршала К.К.Рокоссовского, в который входила наша 61-я армия генерал-полковника Белова, перешел в наступление, во время которого мне и довелось принять боевое крещение. Это произошло во время форсирования Днепра. На том участке

фронта, где вела переправу наша дивизия, река была перерезана островами. Мы перебирались по понтонам, а то и по двум дощечкам. Ледяная вода доходила до колен, а на календаре был ноябрь 1943 г. Как только переправились на правый берег, начался минометный обстрел. Мы залегли, благо берег был крутой, это нас и спасло.

Моя военная служба продолжалась: я научилась стрелять, перевязывать раненых, помогать им в трудную минуту. В медсанбате мне часто доверяли дежурство в перевязочной или сортировочной палатке, работала в полковых пунктах первой помощи. И помню жуткие ночные дежурства в шоковых палатках, где на моих глазах, на моих руках умирали бойцы.

Однажды ночью на дежурстве в сортировочной палатке, сплошь заставленной носилками с ранеными, я оформляла сопроводительные карточки в госпиталь. Ноги мои околели, и я поставила их на край носилок. Там лежал молоденький солдат, совсем мальчик. И вдруг, опустив глаза, увидела: он мертв! Ноги мои отяжелели, приросли к носилкам. Я завyla, заголосила. Мне казалось, что в этой ночи, в этой заснеженной палатке, на всем белом свете нас только двое - я и этот мертвый молодой солдат...

Мы были на подступах к городу Мозырю. За освобождение этого города наша дивизия была награждена орденом Красного Знамени и получила наименование "Мозырская". Впоследствии дивизия была удостоена еще двух орденов: ордена Суворова II степени и ордена Кутузова.

В короткие передышки между боями, когда полки стояли в обороне, бойцы очень скучали по песням. И вот мы, небольшая группа, стали давать концерты. Чаще всего приходили в батальоны и роты накануне боев. Солдаты уже знали нас и величали "артистами". Но понимали, раз пришли "артисты", значит, завтра бой! Именно так обычно и бывало. И, кто знает, может, кому-то из них суждено было в последний раз слушать перед боем игру на баяне Феди Реутова или песню "Это - русское раздолье, это - Родина моя" в исполнении Жени Шисти.

Родина! За нее они шли в бой, не жалея самого дорогого, что даровано человеку - жизни.

Бывало, что 2-3 человека из нашей концертной бригады пробирались в боевые охранения, вынесенные на нейтральную полосу впереди передовой линии. И вот там, совсем, что называется, "под носом у врага", мы давали свои концерты.

Один такой концерт едва не закончился для нас печально. Он произошел в Пинских болотах весной 1944 г. На данном участке фронта между нашей и немецкой линиями обороны были болотистые непроходимые места. Опорные пункты размещались на небольших возвышенностях и буграх, на одном из которых было расположено боевое охранение 1223-го стрелкового полка, где разрешили выступить нашей группе. Повел нас туда сам начальник штаба полка капитан И.Б.Хомяков. От боевого охранения до немецких окопов было не более 200 метров, поэтому он принял решение проводить концерт в самой большой землянке. В ней собрались все свободные от боевого дежурства. Мы потихоньку спели "Землянку", другие фронтовые песни. Я читала стихи. Через полчаса капитан дал команду собираться в обратный путь. Провожать нас вышли все бойцы. Не успели мы отойти от землянки метров на 30, как начался артобстрел. Все упали на землю. И в это время один из снарядов угодил прямо в землянку, которую мы покинули всего за три минуты до начала артобстрела. Нетрудно себе представить, что было бы с нами... Теперь я понимаю, что спаслись мы с Божьей помощью по молитвам Преподобного Лаврентия.

Потери были большими. В августе 1944 г. нашу дивизию отвели во второй эшелон в район Белостока. Заговорили, что нас могут отправить в тыл на переформирование. Я уже готовила свое гражданское ("концертное") платье, представляла, как я попаду в Москву и, переодевшись, сбегая домой. Но наш эшелон пошел в Прибалтику.

Дивизия участвовала в освобождении Риги. Когда я впоследствии бывала в этом городе, всегда ходила на набережную Даугавы: бросала в воду цветы, стояла и плакала... Там между двух мостов навеки остался наш первый ("наш ударный") батальон.

В столицу Польши я въехала верхом: старшина конного взвода дал мне лошадь. Поляки приветливо говорили: "Русска войскова паненка". Как страшно была разрушена Варшава! Трудно было даже

представить, что в этих руинах осталось что-то живое. Малочисленное население вышло на улицы. Люди стояли на тротуарах, предлагали чашечку кофе. Мне кажется, что никогда в жизни не пила напитка вкуснее, чем этот горячий суррогатный кофе с сахарином.

Вот что я писала тогда маме: "Мои дорогие, мы, как вы знаете, идем все вперед и вперед. Москва от имени Родины салютует нам. Я счастлива, что мы уже подходим к границам Германии, а Варшава далеко позади. Сколько радости! Какие встречи устраивали нам поляки! Это просто сказать, но описывать все очень долго...".

Стоял январь 1945 года - года нашей Победы! Фронт приближался к Берлину, началось форсирование Одера, в котором принимали участие и мы. Никогда не забуду ночь на 16 апреля 1945 года. Началась артподготовка перед наступлением на Берлин. От взрывов сотрясалась земля, стояло зарево, мощные прожектора освещали путь нашим войскам, ослепляя противника...

"Дорогие мои", - писала я домой из Германии 22 апреля 1945 г., - "вот сейчас, когда я пишу эти строки, наши передовые части уже в Берлине. Я не могу спокойно писать: дошли мы, дошли и пока живы! Я не верю, что я, Ирина, ваша дочь, прошла от Днепра до Эльбы в рядах родной армии, перенесла все трудности и лишения. Впереди последние бои... На нашу долю выпало почетное и ответственное задание - водрузить Знамя Победы над Берлином!".

А разве можно забыть встречу с союзниками на Эльбе? Мне было поручено вести концерт на встрече советского командования с командованием союзных войск. Тогда я узнала, что высшее выражение восторга у американцев - свист.

8 мая в дивизии было большое торжество по случаю вручения ордена Суворова II степени. И только мы разошлись, повсюду началась такая пальба, как будто войска снова пошли на штурм рейхстага! Я выбежала на улицу. Стреляли все и из всего, что только стреляло. Пускали ракеты в воздух. Обнимались, плакали, кричали: "Победа! Победа! Победа!" Да, это была великая радость, хотя и "со слезами на глазах".

Через несколько дней я обратилась к командованию дивизии с просьбой отпустить меня на учебу в Москву. Командир дивизии П.И.Мошалков сразу принял решение: "Езжай, ты честно отвоевала, ты сделала свое дело - выполнила свой долг, - езжай". Но тут запротестовал заместитель командира дивизии А.Я.Кудря:

- Куда ты ее отпускаешь, когда полки стали на отдых? Сейчас самая работа. Ира, не уезжай. Через две недели у тебя будет "звездочка" (орден Красной звезды)".

- Не нужна мне "звездочка". Отпустите меня учиться", - взмолилась я.

К счастью, решающее слово оказалось за командиром дивизии. Павел Иванович сказал: "Иди в 1-й отдел к майору Сотнику. Пусть даст тебе справку".

Несмотря на то, что приказ о демобилизации еще не вышел, моя просьба была удовлетворена, хотя по уставу увольнение из армии мне было не положено. В Москве у меня возникли неприятности, поскольку

я оказалась незаконно уволенной из Армии. Тем не менее, я благодарна Павлу Ивановичу за то, что он принял важное для меня решение, которое помогло мне устроить свою судьбу.

Наступил день прощания со взводом, который стал для меня второй семьей. Выстроился оркестр. К тому времени он у нас был очень неплохой - блестили духовые трофейные инструменты. Раздался марш "Прощание славянки", и в этой мелодии было столько тоски по отчужденному дому, по Родине! Машина рванула с места, и что-то оборвалось в груди, покатились слезы, а звуки оркестра все отдалялись и отдалялись.

Я ехала через Берлин. Он был в развалинах, засыпан битым кирпичом и пеплом. Довелось проехать и Брандербургские ворота. И вот машина остановилась у рейхстага, я спрыгнула, поднялась по ступеням, вошла в здание. Все было черно от пожара, под ногами груды кирпича и щебня. Что-то сдавило грудь. Я не стала подниматься выше, повернулась и вышла. На куполе рейхстага развевалось знамя моей Отчизны. И я счастлива, что, может быть, миллионная частичка и моего скромного солдатского труда есть в нашей Великой Победе.

Но в Москве меня ждали испытания.

В военкомате лейтенант поставил меня по стойке "смирно" и скомандовал: "В 24 часа явиться на сборный пункт Красная Пресня". Но Бог опять не оставил меня моей помощью. По дороге домой из военкомата в трамвае я встретила актрису, которая с фронтовой бригадой театра Советской Армии приезжала к нам в дивизию и фамилию которой я, к сожалению, запомнила. Как иначе, чем не Божьим Промыслом можно объяснить, что я села именно в тот самый трамвай, именно в тот самый из трех вагонов, где она ехала. Именно благодаря ее участию за меня заступился театр Советской Армии.

Руководство театра подписало письмо в Народный Комиссариат Обороны с просьбой меня демобилизовать, и я была демобилизована. Прошла конкурсный отбор в театральное училище им. Б.Щукина при театре Е.Вахтангова, стала студенткой. Получила диплом актрисы. Мечта моя сбылась!

Своей фронтовой юности я осталась верна и на трудных телевизионных дорогах. Где бы ни пришлось работать - в Главной редакции пропаганды или в творческом объединении "Экран", - везде продолжала тему войны и армии. Вела репортажи с военных парадов на Красной площади, трансляции из Кремлевского Дворца Съездов. Мною были сняты фильмы: "Им было семнадцать", "Подняты по тревоге", "Военные корреспонденты". Была режиссером многих телевизионных рубрик: "Для воинов Советской Армии и Флота", "Солдат, всегда солдат", "Подвиг" - и других. В работе над созданием телефильмов и телепередач о войне судьба свела и подружила меня с известными и неизвестными героями минувшей войны, с ее великими тружениками, потому что война - это тяжелый труд. Поднимать солдат и вести в бой, как это делала

командир стрелковой роты Катюша Новикова, - для этого нужны огромное мужество, смелость, ответственность за человеческую жизнь и большой труд, который лег на плечи этой двадцатилетней девушки. А летчицы полка Марины Расковой, летавшие на "Петлякове-2"! Мне довелось не раз рассказывать о них в своих передачах.

И, конечно, самая незабываемая встреча на телевидении у меня произошла с командующим нашим фронтом маршалом К.К.Рокоссовским. Он подарил мне свою фотографию с дарственной надписью: "Солдату Ирине Полянской от Рокоссовского К.К., Маршала Советского Союза".

Эта очень дорогая для меня реликвия заняла место в красном углу моей комнаты, посвященном войне. Здесь висят картины военных художников

Студии имени Грекова, фронтовиков В.Богаткина и Г.Храпака. На одной из них изображена и я, сидящая в землянке у печурки в окружении солдат нашего взвода. Там же фотографии моих боевых друзей, с которыми мы стараемся встречаться каждый год в День Победы. На встречи приходят однополчане, с которыми прошла трудные версты фронтовых дорог. Приходят родные, друзья, подруги, - те, кто идет со мной рядом на протяжении всей моей жизни.

Хочется закончить воспоминания стихами Юлии Друниной. И не потому, что это красиво звучит, а потому, что так чувствую я:

...Мы, солдаты запаса, твои сыновья
... Я люблю тебя, Армия, юность моя!

* * * * *

**Водопьянова-Полянская Ирина Николаевна,
ветеран войны и труда, режиссер кино и телевидения.
Награждена медалью «За Отвагу»
Орденом Отечественной войны II степени (<https://pamyat-naroda.ru/>)**

Воспоминания Натальи Авксентьевны Сухановской.

Ирина Николаевна была удивительным человеком: по военному собранной, четкой во всех своих человеческих проявлениях, а самое главное- глубоко верующей и любящей Бога. Я познакомилась с ней в Ромашково в 1990-х годах, и мы подружились, встречались на службах в Никольском храме. И каждый раз, приезжая на службу, Ирина Николаевна привозила с собой испечённый ею вкусный яблочный торт. Общение с ней было духовно лёгким и содержательным. В те годы настоятелем храма был о. Алексей Бабурин. Он всегда радовался её появлению, они вспоминали общих знакомых священников и монахов. Ирина Николаевна интересно рассказывала о преп. Лаврентии Черниговском, которого лично знала её мама. С о. Валентином Жоховым, нынешним настоятелем Никольского храма, её связывали тоже тесные духовные узы. Она приезжала к нему в Храм Варвары Великомученицы на Варварке, когда он там ещё служил. Он навещал Ирину Николаевну дома и соборовал, причащал, когда она стала немощной и уже не могла ездить.
Вечная память и вечный покой р.Б. Ирине!

2002год, г.Москва. Из личного архива Натальи Авксентьевны Сухановской - слева. Ирина Николаевна Полянская - справа. В Центре митрофорный протоиерей, заштатный клирик Псковской епархии Василий Федосеевич Швец (1913 – 2011, Погребён в Псково-Печерском монастыре в отдельной крипте) О.Василий с 1963 по 1990 год был настоятелем Свято-Никольского храма села Каменный Конец Гдовского района Псковской области. Некоторое время, находясь на покое жил в Москве, содержанием его жизни в эти годы была миссионерская деятельность по всей стране и в постоянных паломничествах по святым местам.